

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Пехова, Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Цикл
«НОЧНАЯ СТОЛИЦА»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

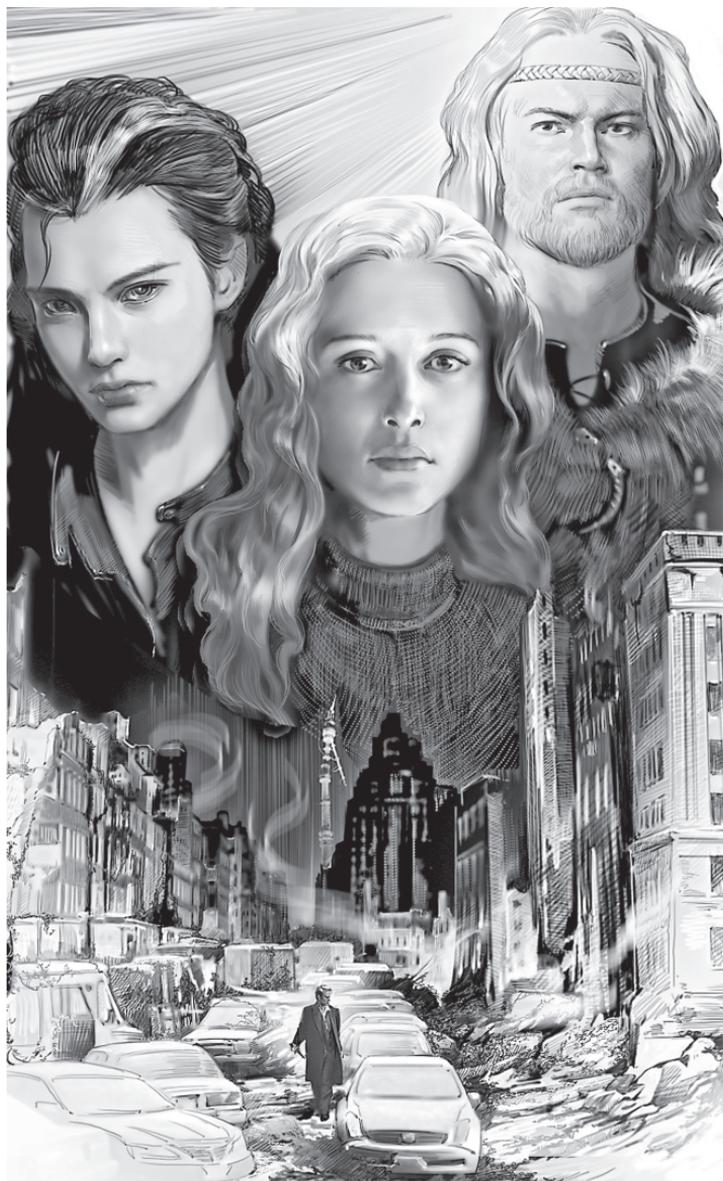
Книги Алексея Пехова
**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
СТРАЖ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»
**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл
«ВЕТЕР И ИСКРЫ»
**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Книги Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой

Цикл
«БЕСЦЕННАЯ НАГРАДА»
**РУБИН КАРАШЭХРА
ЗАЛОЖНИКИ СВЕТА
ЛУЧЕЗАРНЫЙ**

Алексей ПЕХОВ,
Елена БЫЧКОВА,
Наталья ТУРЧАНИНОВА

НОВЫЕ БОГИ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2004 году
Выпуск 395

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.
П23 Новые боги: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 441 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1090-3

Тысячелетиями они управляли людьми, навязывая им свою волю с помощью интриг и обмана. Они привыкли считать себя богами, а смертных — слабыми и покорными исполнителями своих желаний. Но сейчас кровные братья сами попали в ловушку собственного тщеславия. Опасный враг, поставивший кланы на одну чашу весов с человечеством, рвется к господству над ними. Теперь будущее и жизни всех зависят от человека. Но успеет ли тот помочь прежде, чем настанет апокалипсис?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1090-3

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ОПЛАТА ДОЛГОВ

Люди любят разоблачать чужие тайны. Это отвлекает внимание от их собственных¹.

24 апреля

Атум стоял посреди вечерней улицы, жадно вдыхая прохладный воздух. Смотрел по сторонам и чувствовал удовлетворение от того, что предметы вокруг остаются неизменными. Настоящими.

Деревья не оживали, не превращались в хищные лианы, не разлетались разноцветными летучими мышами и не исчезали бесследно. Под ногами был твердый асфальт, а не зыбкая субстанция, напоминающая воду и дым одновременно.

За то время, что Основатель пробыл в мире Иллюзий, в этом мире изменилось многое. Растаял снег, на деревьях набухли почки, обещая скорое появление зеленой дымки — призрака первой листвы. Запахи города не могли заглушить волшебный аромат весны.

Но самое главное — все здесь было реальным, материальным, не подверженным безумным, нелогичным изменениям. И сам Атум перестал чувствовать себя разорванным. После счастливого спасения с Грани, Дарэл снова замолчал. Создавалась иллюзия, будто он мертв. Но Основатель понимал, что это не так. Воля и сознание Атума лишь заглушили его, но сканэр продолжал существовать, и, похоже, избавиться от него невозможно. Значит, придется мириться с его незримым присутствием и быть очень осторожным.

---

¹ Оскар Уайльд. Идеальный муж.

Основатель свернул в один из дворов и пошел по разбитому тротуару мимо подъездов домов.

Телепат продолжал молчать. Атум снова попытался почувствовать хотя бы отголосок его мыслей, но вновь не ощутил в себе ничего подозрительного.

— Эй! Осторожнее!

Он задумался так глубоко, что не заметил человека, идущего навстречу, и столкнулся с ним.

— Извини,— буркнул Основатель, глядя на смертного, одетого в потрепанный спортивный костюм.— Не знаешь, сколько времени?

— Без десяти одиннадцать,— ответил тот, взглянув на часы, и хотел идти дальше, но Атум удержал его.

— А какое сегодня число?

— Двадцать четвертое апреля,— невозмутимо ответил тот, на всякий случай назвал год и, вместо того чтобы быстрее уйти от странного собеседника, который вполне мог оказаться пациентом сумасшедшего дома, с интересом уставился на Основателя: — А где находишься, знаешь?

— Да. Спасибо.

Атум шагнул от неожиданного доброжелателя и направился дальше.

Две недели. Порядочный срок.

— Что ж,— сказал он тихо сам себе,— пора возвращаться домой. Асиман, я полагаю, уже заждались. Да и Хранья, думаю, соскучилась. Надеюсь, ее ученики во время моего отсутствия не успели передрасться с пироманами или объединиться с кем-нибудь против меня.

Телефон конечно же не работал. Время, проведенное на Грани, сказалось на нем самым пагубным образом.

— Эй! — окликнул Атум человека, от которого отошел недалеко. Тот обернулся с вновь вспыхнувшим интересом.— Мобильный есть? Можешь дать позвонить? Я недолго...

Он набрал номер и подождал несколько секунд.

— Хранья? Это Дарэл.

Основатель прикрыл глаза, пережидая шквал бессмысленных вопросов и восторженных всхлипов.

— Со мной все в порядке. Извини за недолгое отсутст-

вие... Что случилось? Да ничего особенного. Пришлось задержаться кое-где... Амир хотел избавиться от вас, но боялся моего внезапного появления? Передай ему, что я скоро буду и попытаюсь вознаградить его за терпение. Нет... не сразу, у меня есть еще одно небольшое дело. Да, мне нужна твоя помощь. Прямо сейчас. Приезжай.

Он назвал адрес, отключил телефон и сунул его в руки человеку. Тот хотел что-то сказать, но Основателю было уже не до него.

«Приятно, когда тебя ждут так страстно,— думал Атум, быстро шагая в сторону довольно оживленного в этот час шоссе.— Хотя это ожидание и вызвано всего лишь страхом за собственную судьбу и нежеланием потерять сильного союзника».

Он остановился на обочине дороги, поднял руку, и почти тут же рядом затормозила машина.

— Куда едем? — спросил водитель, мельком взглянув на позднего пассажира.

— Прямо до проспекта, потом сверни налево, а дальше я покажу,— рассеянно отозвался тот и закрыл глаза...

В темном переулке гулял ветер, принося с собой запахи дождя и мокрого камня.

Основатель стоял, прижавшись спиной к влажной стене, терпеливо дожидаясь появления старого знакомого. Давным-давно Атум учил своих первых созданий тому, как опасно уподобляться неразумным животным и есть в одном и том же месте в одно время. Вполне возможно, что твои привычки могут хорошо изучить и напасть на тебя в момент, когда ты занят своей беспомощной жертвой. Подобную беспечность по отношению к еде можно допустить только в том случае, если чувствуешь себя неуязвимым.

Как кадаверциан, например.

Общаясь с Кристофом и читая его мысли, Основатель мельком узнал многое о личной жизни колдуна. Тогда он почти не придал значения его секретам. Теперь кое-что из них могло пригодиться... Например, место, где тот предпочитает оставаться на ужин.

В воспоминаниях Атума мелькнул образ рыжеволосой

белокожей девушки, крови которой мастер Смерти отдавал предпочтение...

Кадаверциан появился не скоро, но Основатель был терпелив. Когда в конце переулка показался темный силуэт, Атум ощутил холодную волну силы и понял, что сегодня некромант особенно голоден.

Улыбнулся, поняв, что не ошибся в своем выборе места охоты.

Кристоф быстро прошел мимо, не почувствовав наблюдающего за ним: эманации недавней мучительной смерти заслонили для него все остальное. Едва ли не бегом колдун поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

Он задержался там совсем недолго, но достаточно для того, чтобы увидеть залитую кровью прихожую и труп девушки на ковре среди мокрых, свежих подснежников.

Атум сам не знал, зачем это сделал. Можно было оставить девчонку в живых, но сейчас он испытывал огромное удовольствие, уничтожив даже такую малость, имеющую отношение к некроманту.

— Доброй ночи, Крис. Рад тебя видеть.

Увидев Основателя, колдун не стал тратить время на объяснения и тем более извинения. Понимал, что это бессмысленно. Казалось, стены домов содрогнулись от оглушительного воя. Гулкое эхо прокатилось по узкому переулку, а свет фонарей заслонила огромная крылатая тень.

— Как жаль,— тихо сказал Атум, глядя на колдуна, чьи руки и глаза горели опасной магической зеленью.— Как жаль, что ты меня предал.

Крылатая тварь заслонила собой улицу. Атум совсем близко увидел ее широко разинутую пасть и взмахнул рукой. Невидимая ладонь сжала длинную шею Тёмного Охотника и вздернула его вверх. Потустороннее существо забило крыльями, пытаясь освободиться, захрипело. И в ту же секунду кадаверциан схватился за горло, словно его душила та же удавка, что и его слугу. Но колдун не спешил сдаваться, он швырнул в Основателя изумрудную молнию, однако тот с легкостью уклонился от заклинания и небрежно отразил очередную атаку некроманта, выбив из его рук боевой то-

пор. А затем бросил в Тёмного Охотника длинный ледяной брус, покрытый черными шипами искр.

Призрачное «копье» вонзилось в грудь Охотнику, и тот с воплем рухнул на землю. Беспомощно забился, поливая асфальт бурой кровью. На белой рубашке Кристофа расплылось темное пятно, он попытался освободить слугу, но магия Атума крепко держала крылатую тварь привязанной к этому миру. Кадаверциан пошатнулся, однако устоял на ногах. И тогда Основатель обрушил на Охотника еще один кристалл. Колдун рухнул на землю...

— А ведь Вольфгер предупреждал тебя, — хладнокровно заметил Атум, приближаясь. — Просил прекратить эксперименты с темной тварью. Но ты не послушал. Привязал к себе так крепко, что его раны становятся твоими.

Он коснулся носком ботинка неподвижного крыла потустороннего существа и вздохнул с притворным сочувствием.

— Ты, видимо, считал, что этих замечательных крылатых слуг невозможно убить?.. И был отчасти прав. Невозможно никому, кроме Основателя.

Он подошел к колдуну, грудь и руки которого были залиты кровью, но в глазах по-прежнему горел яростный зеленый огонь. Атум укоризненно покачал головой, в задумчивости посмотрел на стены окружающих домов.

— Я доверял тебе. Считал своим другом. А ты меня предал. Ради чего, скажи?

Говорить колдун не мог. Ледяные змеи, пожирающие внутренности Охотника, раздирали и его тело.

— Знаешь, я все еще верю в закон равновесия. Ни одно деяние не может остаться без последствий. И твоя, безусловно оригинальная, идея устроить мне экскурсию в мир лигаментиа не должна остаться без внимания. Думаю, я сделаю то же самое. Осталось лишь решить, куда отправить тебя.

Основатель заметил, что Кристоф перестал смотреть на него. Некромант пытался дотянуться до крыла своего слуги.

— Какая трогательная привязанность, — улыбнулся Атум, хотя внутри него все клокотало от бешенства. — Но ты не сможешь ему помочь. Это заклинание тебе не под силу. Как и всем остальным в этом мире... Впрочем, я отвлекся.

В какое же пространство предложить тур для тебя? Пекло асиман — слишком жарко, то, что осталось от ледников их братьев леарджини — слишком холодно. Даханавар — слишком призрачно.

Пальцы Кристофа, наконец, сомкнулись на кожистом крыле Охотника, тот дернулся, открыл глаза, и его мутный взгляд встретился со взглядом кадаверциана.

— Нахтцеррет! — с глумливой радостью ведущего токшоу воскликнул Атум.— Да! Именно то, что тебе нужно.

Он наклонился, взял колдуна за мокрые от крови волосы и повернул к себе его голову.

— Будь добр, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. Тебе понравится в Садах Боли. Жаль, что ты не сможешь рассказать мне об этом.

Дверь подъезда соседнего дома распахнулась, и по ступенькам обшарпанного крыльца легко сбежала невысокая стройная девушка. Приблизившись, остановилась рядом.

— Я обращалась к тебе за помощью,— сказала она, сверху вниз глядя на кадаверциана,— но ты отказал мне. Не захотел ссориться с Миклошем. Не захотел рисковать своим драгоценным кланом и в итоге погубил мой. Это было большой ошибкой, Кристоф.

Она посмотрела на Основателя, кивнула, затем отвела взгляд и чуть нахмурилась, сосредотачиваясь. Атум почувствовал первое дуновение мира Нахтцеррет и наклонился над некромантом:

— Теперь идем, Крис. Путь неблизкий. А у меня есть кое-какие дела еще и в этом мире.

Глава 2

ОТВЕТНАЯ УСЛУГА

Чтобы вернуть свою молодость, достаточно повторить ее безрассудства¹.

24 апреля

Однажды Луций рассказал Миклошу старинную легенду о том, что первое зеркало на земле придумал Лигамент. По-

---

¹ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

велитель иллюзий долго смотрел в него, а затем разбил, ужаснувшись своего одиночества. И создал себе детей. Иноканоана, Соломею и других — таких же ущербных, несчастных, странных и смертельно опасных, как и он сам.

— По мне, так лучше бы он и вовсе не смотрелся в дурацкие зеркала, — прошептал Бальза, вспоминая неприятную ночь в трамвайном депо.

Сейчас тхорнисх, как и сгинувший во тьме веков Лигамент, желал разбить зеркало. Ему очень не понравилось увиденное, но Миклош понимал, что, даже сокрушив иллюзию, не изменит реальность.

А реальность была не той, какую хотел бы видеть нахттотер. Он чувствовал себя старой развалиной. Впрочем, и выглядел теперь иначе, чем пару недель назад. Вряд ли кто-нибудь сейчас дал бы ему двадцать человеческих лет. Скорее двадцать пять.

Миклош Бальза изменился.

Стал взрослее.

Постарел.

Жало взяло с него положенную плату. И только теперь нахттотер начал понимать, почему Луций, которому во время обращения едва исполнилось сорок, выглядел в последние годы жизни на шестьдесят. Использование артефакта, доставшегося клану от Основателя, жрало жизненную силу и молодость.

Именно поэтому Луций предупреждал ученика о непомерно высокой плате, которую взимает с обладателя Жало. И, доверяя учителю, за все прошлые годы тот ни разу не прикасался к артефакту. Он не пользовался им во время первого мятежа Храньи, не воспользовался и потом, чтобы перекроить мир и уничтожить Фелицию.

Для господина Бальзы не было ничего ценнее господина Бальзы. И все подковерные интриги, грызня, возня и суета шли прямой дорогой на солнце — если были затронуты интересы его благополучия и здоровья. Миклош предпочитал выжидать, благо никуда не торопился.

Он посмотрел на едва заметные морщинки в уголках глаз, вздохнул. Борода старила его еще сильнее, но с этим тоже ничего не сделаешь — Хранья еще жива. Он избавится

от этой неудобной, вечно чешущейся дряни только после того, как вытащит сестрицу на солнце.

Бальза отошел от зеркала, рухнул в кресло, запустив пальцы в растрепанные волосы. Последние известия не способствовали его хорошему настроению. Основатель в теле Дарэла, гин-чи-най, кланы, которых не было, тысячелетнее противостояние и еще целый океан лжи, недомолвок и столь нелепой мерзости, что голова шла кругом.

От всех этих новостей чувствовал он себя не самым лучшим образом. Мало радости получить подтверждение, что ты не один во вселенной. Знать, что какие-то твари, до которых даже нельзя добраться, пытаются лезть в политику кланов, вершить их судьбу и делать так, как нужно им... Не слишком приятное ощущение. Понимать, что где-то по столичным подворотням ходит всемогущая мразь, встречаться с которой опасно для здоровья. Осознавать, что твой город уже не принадлежит тебе, и какая-то древняя гадина, из которой давно песок сыплется, пытается мутить воду в и без того мутной реке — что может быть отвратительнее...

Единственный повод для радости заключался в том, что господин Бальза смог противостоять Основателю, пускай и с помощью Жала.

Миклош взял лежащий на столе клинок и убрал его в ящик, а затем достал носовой платок и тщательно вытер вспотевшие ладони — артефакт стал неприятно теплым и жег кожу, оставляя на ней красные следы.

Бальза пробормотал ругательство.

Ему было невыносимо душно в доме — не помогали ни кондиционер, ни распахнутые настежь окна, ни ледяной ветер, что залетал с улицы и колыхал занавески. Миклош потел, постоянно принимал душ, менял рубашки, чертыхался, но ничего не мог поделать: последствия использования Жала давали о себе знать.

Больше не в силах находиться в помещении, он спустился вниз, набросил на плечи легкое весеннее пальто и вышел подышать чистым воздухом. Хотя днем, похоже, было яркое солнце, к вечеру наступил холод, и на лужах появилась толстая ледяная корка.

— Когда же кончится эта проклятая зима,— прошептал

господин Бальза. — Словно весь мир захватили леарджини, и мороз будет вечным.

Он почувствовал движение за спиной, обернулся и встретился взглядом с Рэйлен. Девчонка неотступно следовала за ним, куда бы он ни пошел. После визита в «Лунную крепость», когда ей пришлось уступить свою роль Норико, она старалась наверстать упущенное. Более верного и уютного телохранителя было не найти в целом мире.

Миклош раздраженно повел плечами, еще раз посмотрел на ученицу Йохана и ничего не сказал. Сунув руки в карманы, побрел вокруг дома.

Нахттотер не стал менять логово, лишь укрепил периметр территории многочисленными ловушками, капканами и крысоловками. Без его позволения сюда не пробрались бы даже вриколакосы. Бальза больше не боялся, что кто-нибудь узнает, где он. После случившегося было как-то поздновато скрываться, особенно учитывая то, что Паула давным-давно ушла, успев рассказать ему сказочку о злом психованном прародителе кровных братьев. Слухи о воскрешении Миклоша уже расползлись по Столице, и те, кому надо, наверняка разузнают, где его искать.

Однако пока никто не рискнул нанести ему визит вежливости. Ни кровные братья, ни Хранья, ни Основатель. Впрочем, если верить Кристофу, последний был заточен в мире Лигаментиа. Но как долго новый Дарэл просидит там — никто не знал. И поэтому господин Бальза старался без нужды в город не выходить, разумно предполагая, что его дом — лучшая на сегодняшний день крепость.

Порой рыцарь ночи пытался успокоить себя тем, что вряд ли понадобится Основателю. А с другой стороны, он хорошо понимал, что если тот хотя бы немного злопамятен, то скорее всего не забудет, как Миклош посмел выступить против него.

В такие минуты нахттотер начинал подумывать, что пора покинуть Столицу. Переехать куда-нибудь. Например, в Стокгольм или Нью-Йорк. Мало ли в мире городов, где всегда найдутся блондинки?

Но его держала Хранья. Сестрица умудрилась спеться с Основателем, и, если дело спустить на тормозах, неизвест-

но насколько она укрепится и какие знания получит от этой могущественной гниды.

Нет. С ней следует разобраться как можно скорее. Пока не стало поздно.

— Норико звонила? — негромко спросил он.

— Да, нахтготер, — тут же отозвалась Рэйлен. — Час назад. Никаких новостей.

Миклош разочарованно поджал губы и неспешно направился к крыльцу. Вошел в дом. Не глядя, сбросил с плеч пальто, ловко подхваченное девушкой.

Никаких новостей, даже несмотря на то что Норико черной куницей носится по всей Столице в поисках хоть каких-то следов!

Еще одна ночь впустую. Хранья затаилась. Оставила разоренную магией и пламенем «Лунную крепость» и смылась под крылышко Основателя, логово которого дьявол знает где спрятано. И теперь сестрицу не выкуришь.

— Проклятая мокрица! — буркнул господин Бальза, входя в гостиную. — Рэйлен! Потуши камин. Жарко.

Он лег на диван, закинул руки за голову и стал смотреть в белый потолок, потом закрыл глаза, слушая, как возится девчонка.

У Храньи осталось лишь пятеро сторонников, и все они, вместе взятые, даже с сестрицей не так сильны, как прежде. Жало дает Миклошу преимущество в борьбе. Но не против Основателя.

— Какого черта эти гин-чи-най скрываются, когда они действительно нужны?! — зло сказал он в пустоту, не открывая глаз. — Где следует расписаться кровью, чтобы они дали мне возможность добраться до этой медузы?!

Он не колеблясь заключил бы любой договор, если бы только ему пообещали голову Храньи на блюде и невмешательство в семейную разборку новой в Столице силы — Основателя.

Рэйлен кашлянула, однако Миклош, занятый своими мыслями, не обратил на нее никакого внимания.

— Нахтготер... — не выдержала она.

— У тебя больше нет дел, кроме как докучать мне? — желчно поинтересовался Бальза.

— Простите, я просто хотела...

— Ступай,— не терпящим возражения тоном велел он.

Она ушла, но лишь для того, чтобы вернуться с мобильником:

— Это вас, нахттотер. Рамон.

Господин Бальза вздохнул, протянул руку, взял телефон:

— Да, Рамон... Да... И я... Представь себе, рад, что я жив. Даже больше, чем ты. Вот как? Сколь лестно услышать, что вьесчи все еще поддерживают Нахтцеррет. Настоящий Нахтцеррет, а не ту жидкую рыбью кровь, что пытается любыми способами добиться чужого расположения. Ну, полно. Какая ирония? Я совершенно серьезно.— Лицо Миклоша было кислым, словно он съел целый железнодорожный состав лимонов.— Вот как? Не может быть. То есть я хотел сказать: неужели это ты? Вьесчи так редко извиняются, что мне просто неловко. О! Ты не извиняешься. Ну, значит, мне показалось. Тогда можешь извиниться прямо сейчас... По какому поводу?! — Господин Бальза стал темно-бордового цвета и, брызгая слюной, заорал в трубку: — Это ты меня спрашиваешь, Рамон?! Какого дьявола мои счета закрыты, а деньги ушли к сестрице?! Как работают твои банки, если произошло такое?! Ах, ошибка?! Непростительная ошибка! Возмутительная ошибка!! Репутация клана Негоциантов больше совсем ничего не стоит! Какое, к черту, наследование?! Какие известные ей пароли?! Мало ли, что вы думали! Ну и что, что я умер! Да мне Хранья такой же родственник, как тебе Тёмный Охотник!

Он замолчал, слушая спокойный голос вьесчи и поняв, что орать на него бесполезно — все равно не проймешь. Рамон всегда считает себя правым, даже если прет у тебя из кармана парочку миллиардов. Такие мелочи для него — не повод ругаться.

— Да. Хорошо. Не будем выносить сор из избы... Делайте, что хотите, но деньги должны быть у меня. Сегодня же. И тогда я не стану окончательно портить вашу подмоченную репутацию. Всего доброго. О да. И тебе хорошей ночи.

Он нажал «отбой», подумал было вмазать мобильник в

стену, но поймал жалобный взгляд Рэйлен и кинул телефон ей.

— Придурок! Всю свою жизнь мне приходится иметь дела исключительно с идиотами!

Миклош снова выставил Рэйлен вон и, оставшись в одиночестве, принялся ждать возвращения Норико.

Ему была нужна информация, где скрывается Хранья...

От мыслей его отвлек Альехо:

— Нахтготер, к вам посетительница.

Миклош удивленно поднял брови. Гостей он сегодня не ждал:

— Надеюсь, блондинка?

— Нет. Кадаверциан.

— Ого! Колдунья и не блондинка? — Он подумал о Доне, разочарованно цокнул языком. — Оч-чень интересно. Что же. Пригласи даму в кабинет через пару минут. И будь с ней повежливее.

Он поднялся, надел чистую рубашку, застегнул сапфировые запонки, гадая, что понадобилось от него клану Смерти.

Гостья оказалась гостем, и Миклош, увидев Флору, разочарованно поджал губы:

— А... Вивиан. Что тебя привело в мою скромную обитель?

Ученик Кристофа казался взбудораженным и нервным. Странно было видеть отражение подобных эмоций на прекрасном лице, доставшемся ему от леди даханавар. Мальчишка, конечно, постарался как мог избавиться от сходства с погибшей любовью колдуна с помощью уродливой одежды и короткой стрижки, но все равно сражение с даханаварской привлекательностью было неизбежно проиграно. К несчастью для Вивиана, Флора принадлежала к той редкой породе женщин, которые выглядят изумительно в любой одежде. Хоть в бальном платье, хоть в бесформенных штанах и растянутом свитере.

Кадаверциан сел в предложенное кресло, крепко стиснул подлокотники и произнес торопливо:

— Основатель выбрался из мира лигаментиа. Грань не смогла его сдержать.

— И почему я не удивлен, — равнодушно пожал плечами Миклош. — Я с самого начала говорил, что из затеи твоего учителя не выйдет ничего путного. И как ему вообще могло прийти в голову обращаться за помощью к малолетним сумасшедшим...?! Видимо, Основатель теперь очень зол, — предположил господин Бальза, не без удовольствия рассматривая взволнованное лицо Флоры.

— В ярости, — хмуро подтвердил Вивиан. — И он забросил мэтра в мир Нахтцеррет. Ваш мир.

— Сады Боли? — господин Бальза невесело хохотнул и откинулся на спинку кресла. — Откуда эти сведения? Основатель позвонил тебе, чтобы поразить вас своим чувством юмора? Или Кристоф оставил предсмертное письмо?

— Его Тёмный Охотник... — Некромант замялся, видимо решая, стоит ли посвящать Миклоша в тонкости магии кадаверциан. — В общем, он передал, где находится мэтр и что ему нужна помощь.

— Не знал, что вы используете этих тварей в качестве почтовых голубей.

Некромант с досадой взглянул на собеседника:

— *Мы* не используем. Но Крис сумел установить со своим очень прочную связь. Так что теперь его Охотник... — Вивиан запнулся и решительно тряхнул головой. — Впрочем, это неважно. Нам нужна помощь.

— И при чем тут я?

— Это мир Нахтцеррет, — терпеливо повторил Вивиан.

— Верно. Но все равно не улавливаю связи. — Миклош продолжал корчить из себя идиота.

— Босхет передал моему учителю ваши слова о долге перед ним...

— Я готов сделать многое, — перебил его нахттотер, ничуть не кривя душой. — Но чего я не собираюсь делать, так это лезть в Сады Боли, мальчик. С легкостью согласиться сунуться туда могут только сумасшедшие. Этот мир не подчиняется никому! Даже клану Нахтцеррет. Кстати, с тем же успехом в него могут отправиться и ваши колдуны.

— Если потребуется — я пойду,— сухо заметил ученик некроманта.

Бальза отстраненно подумал о том, как жаль, что Флора умерла столь не вовремя. Девчонка любила власть, но из-за дурацкой игры Амира вляпалась в противостояние с Фелицией, и теперь в этом прекрасном теле суждено жить наивному дураку, который даже не понимает, о чем просит.

— Ну, тогда составь завещание.— Бальзе начал надоедать разговор.— Ты не продержишься и пяти минут.

— Я практически не сомневался, что Нахтцеррет не умеет держать слово,— с презрением сказал Вивиан, вставая с кресла.

— Не тебе читать мне мораль, щенок! — отчеканил Миклош и приказал: — Сядь!

Но, увидев, что кадаверциан не подчиняется, сбавил тон:

— Сядь. Я еще ничего не решил. Мне следует подумать.

Вивиан поколебался и вновь опустился в кресло. Нахтотер тяжело вздохнул, достал Жало, заметил, как напрягся колдун, и начал править карандаш.

Чик. Чик. Чик.

Добившись идеальной остроты, рыцарь ночи провел на белоснежном листе волнистую линию. Кристоф идиот, раз дал себя упечь. Это неоспоримо.

Но и Основатель хорош — не убил колдуна, а отправил в ссылку без обратного билета. Впрочем, послать кровного брата в Сады Боли равносильно убийству. Только очень медленному и мучительному.

Какие выгоды клану и самому Миклошу в том, что колдун вернется?

Кадаверциан — это тот, вокруг кого могут сплотиться остальные. Он силен. Без мастера Смерти справиться со всем случившимся в Столице будет гораздо сложнее. Кроме того, его возвращением можно будет позлить нового Дарэла. Возможно, Основатель разозлится настолько, что прибудет Хранью... А даже если и нет, тот, кто сумел провести Витдикту — ценный союзник.

Заслуживает ли это неоправданно высокого риска? Вполне. К тому же когда еще у Миклоша появится такая возможность — стать спасителем благородного рыцаря? Очень романтичный подвиг. Ха-ха.

— Хорошо. Будем считать, что я согласен, но есть условия... — произнес господин Бальза, заштриховывая часть рисунка.

Вивиан пошевелился в кресле и осторожно, стараясь не спугнуть удачу, произнес:

— Я вряд ли уполномочен вести дипломатические переговоры и обещать что-то клану Нахтцеррет.

— Я делаю это не ради выгоды! — оскорбился господин Бальза, даже не оторвавшись от работы — царапанья карандашом по бумаге. — «Honi soit qui mal y pense!»¹ Одному в Садах Боли делать нечего, молодой человек.

— Я уже сказал, что готов идти, — тут же решительно заявил проситель.

Бальза желчно усмехнулся:

— Ну, во-первых, ты не знаешь, на что соглашаешься. А во-вторых... Я тебя с собой не возьму.

— Почему? — возмутился тот.

— Потому что ты женщина.

Миклош поднял глаза, увидел, как окаменело лицо Вивиана, и мило улыбнулся:

— Это не издевательство, мой друг. Мне, право, все равно, что за суть наполняет эту прекрасную даханаварскую оболочку, но тело есть тело. А женщинам в Сады Боли ходу нет. Так что мне потребуется иная кандидатура. Кто-нибудь еще из клана Смерти желает составить мне компанию?

Вивиан не колеблясь ответил:

— Любой из нас.

— Я бы предпочел Аду. Или Дону, — проворчал Миклош нахохлившись. — Но, к сожалению, придется довольствоваться худшим.

Эти слова не понравились ученику Кристофа, он нахмурился, однако вновь промолчал.

---

¹ «Позор тому, кто дурно об этом подумает!» (*старофранц.*). Девиз рыцарей ордена Подвязки.

— Кто из колдунов сейчас в Столице? — Господин Бальза закончил набросок и протянул его через стол.

— Весь клан, — мальчишка посмотрел на рисунок. — Это ведь не я, да?

— Верно. Это Флора. Такая, какой я ее запомнил на балу Фелиции. Она очаровательно танцевала с Йоханом. Воистину, королева бала. Так кто в городе? Перечисли поименно. Только мужчин.

— Анри.

Миклош фыркнул:

— Наставник безумной бэньши? Ну, нет! Увольте! — Нахтотер поднял вверх обе ладони, словно сдаваясь. — Сколько я его помню, в голове сплошные куртизанки и пустота! Слишком легкомыслен и безответственен, чтобы я рискнул доверить ему себя. Дальше.

— Адриан.

— Уже что-то. Но после стычки в Праге во время первого Великого Наводнения мы друг друга не слишком-то жалуем.

— Филипп.

— А... — протянул Миклош. — Чертов аристократ. Он белоручка. Хорошая защита, но непутевое нападение. Мне он точно не подойдет. Кто там следующий в списке?

— Франциск.

— Старик еще не преставился? — оживился господин Бальза. — Впрочем, от него не будет никакой помощи. Я не собираюсь работать поводырем.

— Грэг.

— Он ведь тоже мастер Смерти, не так ли?

Вивиан кивнул.

— Цепкий парень... Однажды схватился с правой рукой Винченцо Лудэра и его учениками и размазал их по стенкам монастыря Святого Стефана в Саламанке... Да. Пожалуй, он то, что нужно. Позвони ему.

— Сейчас? — Вивиан явно не ожидал от господина Бальзы такой прыти.

— Нет! Через неделю! Как раз когда от твоего обожаемого мэтра останутся рожки да ножки! Раз уж решили, лично я не собираюсь ждать — ночь только началась.

Глава 3

САДЫ БОЛИ

Какая странная сегодня луна на небе...

...О, какой у луны странный вид! Можно подумать, будто это рука мертвой, пытающейся закрыть себя саваном¹.

24 апреля

— Я бы хотела пойти с вами, нахттотер.

Миклош бросил взгляд в зеркало дальнего вида:

— Знаю, цыпленок. Знаю...

Сидевшая за рулем Рэйлен задумалась на мгновение и снова взволнованно спросила:

— Быть может, вам стоит взять с собой Арлекина, нахттотер?

— У него нет должного опыта, чтобы шляться по Садам Боли. Мастер Смерти — это лучшее из того, что мне сейчас можно предложить.

Повисло молчание. Бальза по старой привычке смотрел в окно и мысленно ежился — влажный, ледяной, стегающий, точно плеть, ветер гулял по Столице, заставив улицы вымереть. И смертные, и бессмертные предпочитали не выходить из домов.

Машина проехала по мосту через реку. По воде неслись огромные волны, словно это было море. «Кажется, на юге, где берега низкие, будет наводнение», — отстраненно подумал Бальза.

Несколько деревьев вдоль дороги оказались повалены, а огромный рекламный щит погнулся, точно его мят в лапах великан.

Миклош постарался полностью отключиться от происходящего за окном и сосредоточиться на предстоящем. Он вспоминал все, чему учил его Луций. Безопасное место входа, ориентиры, правила поведения, негласные законы и конечно же подходящие заклинания.

Спустя полчаса они наконец остановились рядом с пар-

---

¹ Оскар Уайльд. Саломея.

ком, разбитым недалеко от огромной телебашни. Сейчас были видны лишь ее опоры и первая треть, все остальное скрывалось в стремительно несущихся над городом облаках.

— Жди меня здесь,— сказал Бальза, отстегивая ремень безопасности.— Сопровождение не требуется. Если не вернусь до рассвета — сами решайте, что делать дальше.

Он надел капюшон, теплые перчатки и, задержав дыхание, шагнул на пронизывающий ветер. Тот выл в ушах, словно души обозленных грешников, и бесцеремонно подталкивал в спину. Господин Бальза прошел по асфальтовой дорожке, днем, вероятно, мокрой, а теперь застывшей и ужасно скользкой, и, обходя тусклые огни телецентра, свернул в парк.

Фонари здесь были старые, облезшие. Лампы, накрытые козырьками, висели на хлипких проводах, раскачиваясь из стороны в сторону, как ополоумевшие. Пятна света прыгали туда-сюда, освещая то дорогу, то деревья с кустарником, то вновь дорогу. Пошел снег — ледяной, колючий, мелкий и частый.

В белой круговерти Миклош увидел фигуру, стоящую возле маленького железного мостика, перекинутого через стылый ручей, почувствовал некроманта и неспешно приблизился.

— Доброй ночи,— кивнул ему Грэг.

— Не такая она и добрая, раз свела нас вместе.

В мерцающем свете бледных фонарей кадаверциан казался похожим на головореза — выше нахттотера на голову и гораздо шире в плечах. Стальные глаза цепко смотрели из-под вельветовой широкополой шляпы, украшенной черным вороньим пером. Густые брови, баки, закрученные усы, разделенная на две половинки борода, перевязанная черными ленточками, и ослепительная улыбка.

Миклош с интересом изучил длинный темно-коричневый камзол из плотного английского сукна, серебряные пуговицы с гравировкой герба Адмиралтейства, темные штаны из шотландской шерсти и лакированные башмаки с янтарными пряжками.

Грэг, сложив губы трубочкой, свистнул. Звук мгновенно

подхватил ветер и швырнул к сизым небесам. Кадаверциан чуть подался вперед, прищурился, вглядываясь в снежную пелену, вытянул руку, и из мрака на нее спикировал бесформенный мокрый комок.

— Что это? — брезгливо поинтересовался Бальза.

Тварь оказалась попугаем. Во всяком случае, была им до той поры, пока жила. Теперь это было *нечто* с торчащими во все стороны редкими темно-фиолетовыми перьями, сквозь которые проглядывала серо-розовая кожа. Глаза птицы горели ядовитой зеленью.

— Это Пако,— отозвался мастер Смерти.— Пако, познакомься с господином Бальзой.

Гадина неуверенно потопталась на руке хозяина, затем перебралась ему на плечо, окинула Миклоша придиричивым взглядом, подняла огромный хохолок и произнесла резким до одури голосом:

— Мистер! Дайте шиллинг!

— Надо же! — удивился Грэг.— Похоже, ты ему понравился.

Бальза скривился:

— Флибустьерское прошлое?

— Вроде того,— улыбнулся в бороду кадаверциан.

Попугай нахохлился. Вид у него был такой, словно его прожевала, а затем выплюнула голодная кошка.

— И что, эта курица отправится с нами?

— Куда я — туда и он.

Миклош тоже нахохлился и мрачно подумал, что ошибся — следовало брать с собой Адриана.

Не сговариваясь собеседники пошли по дороге, направляясь в глубину парка.

— Весна в этом городе особенная,— улыбнулся некромант, глядя на снежную круговерть.

— Да уж, тут не поспоришь,— согласился господин Бальза.— Что тебе известно о Садах Боли?

— Не много. Лишь то, что я смог отыскать в библиотеке Вольфгера перед сегодняшней встречей.

— Значит, лишь домыслы. Ладно. Просто держись рядом и постарайся не заниматься самодеятельностью.

— Как прикажете, капитан.— Иронии в валлийце было хоть отбавляй.

— Кренгельс¹ тебе в задницу! — прокомментировал Пако.

— Его можно как-нибудь заткнуть? — раздраженно поинтересовался нахттотер.

У него руки чесались уничтожить говорливую тварь.

— Говорю же, Миклош, ты ему нравишься. Обычно с чужаками он молчалив, как рыба. Кстати, почему ты выбрал это место? В путешествие можно было отправиться и из дома.

— Не мог упустить возможности выйти на прогулку. Превосходная погода для того, чтобы подышать свежим воздухом. Не находишь? — съязвил нахттотер.

Грэг оценил иронию и хлопнул тхорнисха по плечу так, что тот едва не улетел на обочину.

— Поаккуратнее! — возмутился Бальза.

— Мистер, дайте шиллинг! — вновь заканючил мерзкий попугай.

Его зеленые глаза глядели зловеще, и Миклош про себя пожелал проклятой птице сдохнуть еще раз.

Теперь снег валил сплошной стеной, они шли сквозь него, согнувшись в три погибели. Грэгу приходилось держать шляпу, чтобы очередной порыв ветра не сдул ее с головы. Пако спрятал башку под крыло и наконец-то заткнулся.

Дорога через парк оказалась ужасной — такое ненастье, по мнению Бальзы, можно ожидать где-нибудь на Северном полюсе, но никак не в Столице, да еще и ближе к концу весны. Снег был тяжелым и влажным. Он свинцовым грузом оседал на проводах и ветвях, заставляя их прогибаться, а затем, подчиняясь ветру, вздрагивать и ронять белые хлопья на землю.

— Если так будет продолжаться дальше, как бы нам не завязнуть в сугробах! — перекрикивая вой ветра, сказал некромант.

Бальза кивнул, показывая, что слышит, но не ответил:

---

¹ К р е н г е л ь с (морск.) — кольцо, свитое из прядей троса.

слишком сильно был занят тем, что формировал коридор перехода.

Они миновали парк, пересекли пустое шоссе и оказались на улице. Сквозь крылья безумствующего бурана проглядывали призраки девятиэтажных домов, в которых все окна были темны. Остовы заснеженных машин, брошенных на произвол судьбы спасающимися от ненастья людьми, казались выброшенными на мель кораблями. Миклош на ходу отряхнул ставшие белыми плечи и решительно направился вперед, чувствуя, как слабеет ветер.

Мимо переполненных мусорных ящиков, ободранных автомобилей, разбитых фонарей и поваленных деревьев они все дальше и дальше углублялись в северные кварталы Столицы.

В какой-то момент Грэг прищурился и потянул носом воздух:

— Улица мертва.— Некромант не спрашивал, а утверждал.

— Верно,— отозвался господин Бальза, радуясь, что буран утихает.— Добро пожаловать в преддверие Садов Боли.

— Люггер¹ плыл на восток! — внезапно заорал Пако и внес важное уточнение: — А затем на запад...

Он захвохтал, словно курица, и перелетел на другое плечо Грэга.

— Ловко,— оценил мастер Смерти.— Не заметил, как мы переместились.

— Ну, тут не ваш туманный мир и не Грань лигаментиа. У Нахтцеррет иные законы.

— Это я уже понял.

По суровому лицу валлийца было неясно, что он вложил в эту фразу, но нахттотеру послышалась издевательская нотка, которую сейчас, однако, он предпочел не заметить.

— Когда мы окажемся на месте?

— После третьих склянок!! — влез в беседу попугай и тут же спрятал голову под крыло.

---

¹ Люггер (морск.) — легкое парусное судно с несколькими орудиями на открытой палубе.

— Ты сразу это почувствуешь,— нехорошо усмехнулся Бальза.

— Уже чувствую. Вокруг сплошные мертвецы.— И, увидев непонимающий взгляд господина Бальзы, добавил: — В домах.

— Поверю на слово.— Миклош посмотрел на быстро очищающееся небо.— У меня никогда не было желания заглядывать внутрь.

— Не любишь покойников? — живо поинтересовался спутник.

— Просто не страдаю чрезмерным любопытством там, где этого не следует делать,— холодно отрезал Миклош, косясь на темные выбитые окна и вспоминая, что в прошлый раз, когда его привел Луций, здесь вместо города была мрачная, разоренная чумой деревушка.— Что до любви к трупам, некрофилия не входит в достоинства Золотых Ос. Это скорее относится к клану Смерти¹.

— Некрофилия? — нахмурился Грэг.— Ты совсем ничего не знаешь о нас, Бальза, раз путаешь грязное влечение к мертвым с уважением к Смерти.

— Ну, да. Возможно, я ошибаюсь. Наши кланы были не слишком-то близки до последнего времени,— проворчал нахттотер, которого сейчас больше занимал шорох за ближайшим углом, чем философские диспуты.— Некрофилия — это капуцинские катакомбы в Палермо. У вас нечто другое.

Мертвый попугай, не вынимая головы из-под крыла, глухо и зловеще расхохотался.

— Что это с ним? — поднял брови господин Бальза.

— Пако удивлен, как и я.— Валиец был серьезен, но его стальные глаза, кажется, смеялись.— Нахттотер публично признает ошибки.

— Нахттотер просто старается быть любезным, колдун. И ничего более.

Ветер полностью стих, снег на земле исчез, а улица закончилась. Впереди под золотистым светом огромной полной луны возвышался странный лес.

---

¹ Труп, мертвое тело — *cadaver* (лат.).

— Добрались,— с видимым облегчением сказал рыцарь ночи.

Он уже начал опасаться, что забыл дорогу.

Пако выразил свое отношение витиеватым и скабрешным ругательством.

— Не самое уютное местечко,— оценил некромант.

— Еще нет... — неопределенно пробормотал Миклош, решительно направляясь вперед.

Влажный избитый асфальт сменился широкой тропой, посыпанной мелкими, белыми, отражающими лунный свет осколками человеческих костей. Они негромко поскрипывали под подошвами башмаков, пока двое кровных братьев приближались к кромке леса.

Вблизи тот оказался еще более отталкивающим. Деревья, названий которых никто не знал, достигали высоты семиэтажных домов. Их стволы были черными, страшно изломанными и искривленными. На редких толстых ветвях росли огромные шипы, походящие на иглы дикобраза. Их кончики, бледные, изжелта-восковые, с выступившей смолой, блестели, словно ртуть.

Грэг протянул руку, чтобы изучить колючку поближе, но Миклош бесцеремонно ударил его по запястью и грозно сказал:

— Даже не думай касаться шипов! Потом деревья от тебя не отстанут. А нам еще возвращаться.

— Их смола похожа на яд.

— Он и есть. Мой учитель говорил, что эта штука способна свалить с ног даже Нософорос. Но, по мне, есть более гуманные способы самоубийства, чем трогать ядовитую дрянь.

Они шли сквозь скрюченный, больной лес, от которого стало потягивать смрадом. И чем дальше спутники продвигались, тем сильнее становился запах тлена.

— Не обижайся, Миклош, но место отвратительное.

— Что поделать,— притворно вздохнул господин Бальза.— Все остальные миры разобрали, и нам пришлось довольствоваться оставшимся. Спасибо Основателю, будь он трижды проклят!

— Потешь мое любопытство.— Грэг держал руки в кар-

манах и зорко поглядывал по сторонам, стараясь не коснуться веток — деревья обступили сузившуюся тропу со всех сторон.— Зачем тебе понадобилась моя помощь? Сады Боли, конечно, не похожи на Кюрасао или Бонэйр, но не выглядят уж очень ужасными.

— Да ну?! Эта помойка намного опаснее, чем царство кадаверциан. Нам просто пока везет. Ты будешь прикрывать мою спину, когда я буду занят. К тому же я не нанимался тащить Кристофа обратно на своем горбу. Если, конечно, он все еще жив.

— Считаешь, ему пришлось туго? — помрачнел колдун.

— Наверняка,— невысокому Миклошу пришлось прыгнуть, чтобы пройти под колючей ветвью.— Иначе Основатель бы его сюда никогда не отправил.

Словно в подтверждение этих слов, на дереве, с которым они поравнялись, показалось «украшение» — наполовину утопленный в стволе скелет в обрывках, когда-то бывших белой тогой.

— Кто-то из ваших? — поинтересовался мастер Смерти.

— Да,— неохотно ответил нахтототер.— Один из Десяти Гласов. Жил еще до меня. Когда я был здесь в прошлый раз, его затянуло лишь по голени, и на теле оставалось полно плоти. Время здесь течет гораздо медленнее, чем в реальном мире.

Грэг обратил внимание, что свет стал бледнее, поднял взгляд к небу и сквозь купол переплетенных шипастых ветвей увидел луну.

— Что с ней? — резко спросил кадаверциан.

— А-а-а... заметил,— протянул Миклош, проследив за взглядом спутника и убыстряя шаг.— Скоро сам все поймешь.

— Тебе не кажется, что проще объяснить...

— Проще один раз увидеть.

Луна походила на циферблат часов и «двадцать минут» уже были скрыты тьмой, а ползущая тень подбиралась к «двадцати пяти».

— Что случится, когда произойдет полное затмение?

— Мы будем сидеть тихо, словно мышки,— нервно хохотнул господин Бальза.— И молиться дожить до следую-

щей полной луны. Погаси свою магию. Старайся не пользоваться ею без нужды — это может привлечь к нам ненужное внимание.

Лес стал гуще и еще темнее. Гаснущая луна также не добавляла света, и спутникам приходилось полагаться исключительно на врожденное ночное зрение. Одна из веток вдруг ожила, метнулась к некроманту, но тот пригнулся, и дереву досталась лишь шляпа да резкие, осуждающие вопли попугая. Миклош ударил по агрессору «Серым тленом», заставив того заскрипеть, выпустить добычу и неохотно отшатнуться.

Они вышли к перекрестку, где белая тропа разделялась на четыре узких тропинки, расходящиеся в разных направлениях и исчезающие за темными стволами терновых деревьев.

— Куда теперь? — поинтересовался Грэг.

— Хотел бы я знать, — озадаченно пробормотал Миклош, покачиваясь на носках. — В прошлый раз такого не было — дорога изначально одна.

— Когда был прошлый раз? — некромант следил за неуверенной стрелкой-тенью.

Без девяти двенадцать. От луны осталось всего ничего.

— Больше тысячи лет назад.

— Мог бы и почаще навещать сюда. Возможно, сады Нахтцеррет не были бы в таком запустении.

— Не учи меня жить! — огрызнулся господин Бальза, занятый рисованием на земле. — Я здесь был всего один раз и до сегодняшнего дня не горел желанием вернуться! Уверен, что разделение дорог — оригинальная шутка Основателя.

— Найди верный путь к Кристофу, — сказал некромант попугаю, и тот, заорав так, что у Миклоша едва не лопнули барабанные перепонки, распахнул крылья и устремился в небо.

— Не думал, что он у тебя еще и ищейка. — Бальза проводил тяжело летящую птицу взглядом.

Грэг пожал плечами, как бы говоря, что птичка полна сюрпризов.

Миклош произнес положенную формулу, увидел, как нарисованные им буквы оплыли, а затем, словно червяки,

расползлись по тропе и сложились в круг. В небо ударил столб бледно-серого света и через несколько секунд погас, превратившись в небольшую округлую клетку.

Бальза прошел сквозь световые прутья, сел на землю, приглашающе похлопал по ней и обратился к спутнику:

— Тебе представляется прекрасная возможность почувствовать себя попугаем.— И, видя, что тот не двигается, добавил: — Поспешите. Времени совсем не осталось.

Как только некромант вошел в клетку, луна погасла, а мир окрасился в темно-синие тона.

— Что это? — Грэг повернулся за разъяснениями.

— О. Так называемое время Садовников. Или ты действительно считал, что за Садами не приглядывают? Когда луна становится черной — они обретают свободу. В эту пору лучший вариант — спрятаться и переждать.

Мастер Смерти мрачно осмотрел синий лес и с наслаждением вытянул ноги:

— Луна еще появится?

— Конечно. Когда придет ее час.

Колдун изучил струящийся из-под земли свет, создающий клетку:

— Защитное заклинание, но не против магии. Скорее от духов. Я прав?

— Тебе ли не знать, что духи порой обретают материальную оболочку? — Миклош закрыл глаза, и повисла томительная тишина.

Минуты сменялись минутами, но ничего интересного не происходило. Бальза делал вид, что медитирует, Грэг спокойно ждал, когда придет пора идти дальше.

Между деревьями мелькнул ярко-голубой силуэт, и некромант подался вперед. Спустя несколько мгновений на тропе появилась полупрозрачная тварь — сквозь нее был прекрасно виден дикий терновник.

Тощее, обтянутое фосфоресцирующей кожей корявое создание, опирающееся при беге на узловатые руки, было покрыто шипами с головы до ног. Особенно много их оказалось на спине и лысом черепе. Круглые белые глаза едва не выскакивали из орбит, губы отсутствовали, из-за чего рот все время улыбался. От взгляда некроманта не укрылись

длинные клыки. Лицо неизвестного создания можно было бы назвать человеческим, если бы не страшная маска кровожадного безумия.

Оно пробежало мимо, даже не остановившись, и сгнуло в лесу, словно ночной кошмар с приходом утра.

— Ну и как тебе? — с живым интересом спросил открывший глаза Миклош.

— Значит, это и есть Садовник, — негромко произнес Грэг.

— Один из них.

— Он похож... — Некромант замолчал, задумался и нахмурился еще сильнее.

— На нас, — господин Бальза издал неприятный смешок. — Очень верно подмечено. Луций как-то сказал, что они любят пить кровь. Но не человеческую, а нашу. Таких блаутзаугеров, как ты и я.

— Кто они такие?

Нахтотер погладил бороду, вздохнул, сменил позу, посмотрел на темное небо:

— Как ты думаешь, что случается с кровными братьями, когда они умирают? Куда уходят их души? В рай?

— Думаю, наоборот. Если бы я верил в бога, то сказал, что нам всем уготовано место в аду.

— Вот он — персональный ад тхорнисхов. — Рыцарь ночи обвел рукой синий мир и страшную стену колючих деревьев. — Сады Боли. Мы не умираем. И не исчезаем. И не уходим в небытие. Наши души становятся Садовниками — вечно ждущими, ищущими, алчущими крови тех из нас, кто еще жив. Поэтому я и рекомендовал тебе забраться в «Слепую клетку». Пока мы здесь, они нас не видят.

— Их можно уничтожить?

Миклош вспомнил синие, полупрозрачные, перекошенные лица, леденящий душу вой и вспышки магии Луция, когда он вместе со своим учеником прорывался обратно, в мир живых.

— Можно. Развоплотить. На время. Беда лишь в том, что как только начинаешь сражаться, на помощь одному прибегают еще десять, и так до бесконечности. Тхорнисхов, знаешь ли, за века умерло достаточно много.

Некромант не ответил, и нахттотер вновь закрыл глаза. Один раз ему послышался какой-то звук — не то скрип, не то стон, но расстояние было столь огромным, что господин Бальза не смог бы поручиться и решил, что ему просто почудилось.

Прошло еще какое-то время... затем с неба прилетел вопль:

— Мистер! Дайте шиллинг!

Попугай парил в высоте, встревоженно крича о том, что кентаберийское вино уже украдено.

Поорав немного, он вновь улетел.

Когда спутникам стало казаться, что они провели в клетке не один день, синий свет стал бледнеть и меркнуть, а затем вовсе погас, и на небе вновь появилась полная луна.

— Отсчет пошел. — Бальза вскочил на ноги и одним движением стер надпись на земле.

— Черт! Черт! Они заходят с зюйд-веста! — Попугай неожиданно рухнул на плечо господина Бальзы так, что тот едва не подпрыгнул. Птица щелкнула клювом у щеки главы клана Золотых Ос и гаркнула:

— Эй! Красно-о-отка!

Нахттотер выругался, сбрасывая с себя наглую мертвечину, Пако обиженно заверещал и перескочил к хозяину, который был более дружелюбен, чем рыцарь ночи.

— Люггер плыл на восток! Байла! Байла!

— Он нашел путь! — Грэг цокнул языком, и его питомец, взмахнув крыльями, полетел над одной из тропинок.

— Не спешить! — предупредил Миклош. — Направление знаем, ну и ладно. Пошли.

Они вновь углубились в густой лес.

— Нам везет, — по пути сказал господин Бальза, презрительно поджав губы. — На этот раз Садовник был один. Странно. С чего бы это?

— Испугались меня? — рассмеялся некромант.

— Скорее уж твоего попугая. Кто захочет иметь дело с этой болтливой заразой?

— Дискульпе, синьор! Порфабор! Уно шиллинг для маленького Пако!

Тварь носилась между деревьями, махая фиолетовыми крыльями и вопя во все горло.

Валлиец рассмеялся, подозвал птицу и приказал вести себя тихо. Та проворковала нечто ласковое, схватила страшным клювом, способным перекусить толстую металлическую проволоку, мочку уха колдуна. Пожевала и наконец-то заткнулась.

Местность несколько изменилась. Теперь земля была изрыта оплывшими ямами, очень похожими на древние могилы. Они темнели под деревьями среди влажной прелой листвы, наполовину заполненные застоявшейся водой.

— Вивиан был порядком раздосадован, что ты отказался взять его с собой, — сказал Грэг.

— Нужны мне здесь сосунки, — пренебрежительно отозвался нахтототер.

— То есть все эти разговоры о женщинах...

— Правда, мой друг. Иначе вместо тебя была бы Ада или Дона. Или же я бы обошелся помощью Норико.

— Суровая реальность жизни, — улыбнулся некромант. — Бедные женщины, в Сады Боли им путь заказан. Кстати говоря, отчего?

— Черт его знает. Говорят, если рядом женщина, Садовники лезут и днем. Так что слишком велик риск брать с собой спутницу.

Он перепрыгнул через яму, полную тухлой воды, потянул носом воздух и заметил:

— Далеко мы забрались. Как бы назад не пришлось бежать.

Мастер Смерти вместо ответа ловко отшатнулся в сторону, избежав «случайного» движения колючих ветвей. Попугаю пришлось замахать крыльями, чтобы удержать равновесие.

— Тебе не кажется, что деревья относятся ко мне несколько предвзято?

— Разумеется, — надменно изрек Миклош. — Ты ведь не тхорнисх. Чужаков здесь любят даже меньше, чем Золотых Ос.

— Просто удивительно, — пробормотал некромант, вновь посмотрев на луну.

Лес был бесконечным, тропа частенько превращалась в тонкую нитку, и Миклош начал сомневаться, что тупой дохлый попугай правильно указал дорогу. Они спустились в низину, влажную, душную, смрадную, заваленную человеческими останками. Было видно, что кто-то основательно погрыз кости, но на вопрос мастера Смерти, что это за твари, господин Бальза лишь пожал плечами. Ни о каких диких зверях здесь он отродясь не слышал.

Еще дважды луна меняла фазу, наступала темно-синяя ночь, и приходилось скрываться в магической клетке. Первый раз в округе не появилось ни одного Садовника, зато в следующий господин Бальза не успел завершить ритуал, и страшная тварь выскочила из-за деревьев, едва луна погасла.

Миклош, ни на что не обращая внимания, стоял на коленях, скороговоркой твердя формулы, и разбираться с неприкаянной душой пришлось Грэгу.

Он раскрыл ладони в сторону прыгнувшего на него создания, и, когда то оказалось опутано зеленым шелком так, что уже не могло двигаться, в руках мастера Смерти появился страшный молот. Валлиец в один прыжок оказался рядом с Садовником и мощным ударом раскроил тому череп.

В этот момент с верхних ветвей прыгнула еще одна тварь, метя некроманту в спину. Пако предупредил хозяина воплем, тот развернулся, швырнул в морду врагу зеленое пламя, но это не произвело должного эффекта. Тварь сбила его с ног, и они покатались по земле. Грэг вцепился пальцами в тощую шею зверя, не давая щелкающим челюстям приблизиться к своему лицу.

К счастью, нахтототер закончил создание «клетки» и, оказавшись рядом, хлестнул Садовника кнутом «Тлена», едва не развоплотив попугая. Стащил распадающиеся останки с некроманта, рывком помог ему подняться и буквально втолкнул в безопасный круг.

— В следующий раз тебе стоит быть порасторопнее.— Грэг небрежно отряхнул камзол от прилипших к нему темных листьев.

Пако высказался более резко и витиевато.

— С каждым разом это занимает все больше времени.—

Миклош убрал боевой кнут.— Если не найдем Кристофа быстро, придется уйти и повторить попытку через несколько дней, когда здесь все успокоится.

Валлиец словно бы и не услышал этих слов — он смотрел, как тела Садовников превращаются в синий дым, растворяющийся в окружающем мареве. Не прошло и нескольких минут, как пять новых тварей рыскали по окрестностям.

— Очень удобно, что они нас не видят,— заметил Грэг.

— Верно. Но теперь они знают, что мы здесь, и рано или поздно наберутся наглости появиться при луне.

Ответом ему был дикий хохот во мраке...

Слушая шорохи мрачного леса, Миклош нервно ежился и думал о том, что все его пессимистические прогнозы оправдались. Основатель, будь он неладен, засунул колдуна в такую адскую бездну, что вытащить его не смог бы даже Луций в лучшие свои годы. Тупоумный попугай, мозги у которого сгнили несколько сотен лет назад, и тот уже должен был понять, что шансов у спасательной команды с каждой минутой становится все меньше и меньше. Однако чертов Грэг оказался упрямым парнем. Возможно, в иной ситуации Бальза бы над ним посмеялся, но не тогда, когда по округе рыскает табун Садовников, желающих высосать жизнь из нахтотера. Делиться своей кровью с какими-то тварями не входило в его планы.

Миклош не желал превратиться в ужин для мертвых тхорнисхов и уже несколько раз намекнул Грэгу, что пора бы повернуть назад, но колдун словно и не слышал. Его не слишком волновало, что каждая новая клетка давалась Миклошу с все большим трудом.

— Чертов эгоист,— проворчал Бальза себе под нос и сказал громко: — Ты не мог бы накинуть тряпку на башку своему питомцу? У него отвратительный взгляд.

Попугай выкрикнул очередную скабрезность, Грэг усмехнулся и пожал плечами, словно показывая, что он-то здесь точно ни при чем и Миклошу придется договариваться с Пако самостоятельно. Нахтотер счел, что ему только что дали «зеленый свет», и начал подыскивать подходящее

заклинание, чтобы от проклятой твари не осталось даже перьев, но колючий кустарник внезапно привлек его внимание, и господин Бальза остановился, не донеся левую ногу до земли.

— Что-то не так? — тут же спросил Грэг.

— Чувствуешь запах гнили?

— Я чувствую его с тех пор, как здесь оказался,— подтвердил бывший корсар.

— Нет, здесь пахнет по-иному.

— Я не тхорниш, чтобы специализироваться на нюансах вони.

Миклош зло прищурился и швырнул в кусты «Волну Танатоса». Черные ветки свернулись кольцами, шипы оплавились, и растения осыпались пеплом.

— Может, ты зря нервничаешь? — спросил кадаверциан, глянув на небо. Круг луны почти не потемнел.— Сейчас вроде как «день».

— Мой нос меня никогда не подводил,— пробормотал господин Бальза, озираясь.

Краем глаза он заметил синий росчерк и, хлопнув в ладоши, соорудил первое, что пришло ему в голову — огромный зонтик с черным, едва прозрачным куполом. Именно на него, словно перезрелые фрукты, с ветвей деревьев градом посыпались Садовники.

Зеленая вспышка сверкнула справа, оглушительно заорал попугай, и можно было догадаться, что атакуют их не только сверху, но и с флангов.

— Удерживай их! — заорал нахтотер, перебрасывая всю свою силу на поверхность зонта и с удовлетворением отмечая, как начинают дымиться и истончаться синие тела.

Но до конца уничтожить их у Бальзы не получилось, лишь ослабить.

— Всем держаться! — гаркнул Пако с неба, и в нахтотера врезалось воющее чудовище.

Миклош, не будь дурак, вцепился пальцами в страшное лицо, разжижая плоть. Тем самым он спас себе жизнь, но потерял контроль над зонтом, и Садовники, прорвавшись через преграду, оказались на земле.

Один упал совсем близко, господин Бальза с чувством

злорадной радости пнул его ботинком в морду, сбил заклинанием того, что подкрадывался к спине Грэга, развернулся и сломал грудную клетку еще одному.

— В сторону! — рявкнули над ухом.

Миклош проворно отпрыгнул, и зеленая, витая молния зацепила сразу двоих противников. В этот момент нахттотера сбили с ног, и трое Садовников оказались на нем сверху. Молот некроманта сбил одного, господин Бальза смел ударом другого, заорал, ощутив резкую боль укуса в руке, и оторвал твари голову.

В следующее мгновение всю округу залило зеленым пламенем, а когда оно опало, враги лежали мертвыми. Миклош выругался, поднялся на четвереньки, выругался повторно и наконец-то встал на ноги.

— Никого не узнаешь? — Некромант носком порядком перепачканной туфли повернул голову мертвого Садовника.

— Они все на одно лицо.— Миклоша не интересовали превращающиеся в туман мертвые чудовища.— Поверь, я бы не смог узнать среди них даже родного отца.

— Похоже, это женщина,— задумчиво сказал Грэг.— Почему они напали при луне?

— Жажда крови заставляет их вылезать на свет, который делает их намного слабее, но не убивает.— Впрочем, это все неважно. Мы уходим.— Нахттотер был занят тем, что отдирает изодранный рукав от куртки.

Некромант сразу понял, о чем идет речь, и едва заметно покачал головой:

— Извини, Миклош, я остаюсь. Возможно, это принято у вас, но кадаверциан не бросают друг друга в беде.

— Сколько патоки! — скривился господин Бальза, с отворачиванием отбрасывая в сторону облюбовленную тряпку.— Смотри не прилипни, колдун. Ты совсем ослеп, если не видишь, что творится вокруг. Эти твари устроили на нас засаду, и очень грамотную.

— Не вижу повода уходить. Я найду Кристофа. Ты можешь возвращаться.

— Красо-о-отка! — насмешливо протянул сидевший на ветке Пако.

Миклош скривился еще сильнее. Он бы с радостью бросил среди леса тупого упрямца и его идиотскую птицу и забыл об этом уже через несколько часов, но у клана колдунов возникнут вопросы, а ссориться с неожиданными союзниками из-за глупого нетерпения и желания поскорее оказаться дома недалековидно.

— Послушай,— господин Бальза осмотрел две продольные царапины, оставшиеся у него на предплечье от клыков твари. Ранки регенерировали медленно и неохотно.— Я рассчитывал, что Основатель — ленивый ублюдок. Что он открыл переход, вышвырнул вашего дорогого Кристофа и хлопнул дверь. То есть, что мастера Смерти следует искать где-то на границе Садов. Но этот... — Миклош указал пальцем в небо.— Этот чертов телепат, которого стоило убить еще двадцать лет назад, взял его за шкирку и унес, словно кондор цыпленка, дьявол знает куда!

— Тем больше у нас причин отыскать его.

— Между прочим, меня укусила одна из этих тварей. Рана, возможно, заражена и еще неизвестно, чем это кончится. У меня с собой нет эликсиров. Нам надо вернуться.

Валлиец подошел к Миклошу, понюхал кровь на его коже:

— Заражения нет.

Сего рук потек зеленый свет, и регенерация ускорилась.

— Тебе ничего не грозит.

— Скажешь это, когда я умру,— проворчал рыцарь ночи, после схватки больше всего похожий на оборванца.

— Не волнуйся. Если ты умрешь, я тебя оживлю,— совершенно серьезно произнес валлиец.

— Мистер, дайте шиллинг! — Пако висел на ветке вниз головой.

— Кыш! — махнул на попугая рукой порядком раздосадованный сложившейся ситуацией господин Бальза.— Черт с тобой, колдун! Вон за той рощей есть некрополь. Будет символично, если там мы и найдем некроманта.

Но за рощей Кристофа не оказалось. Огромная поляна, со всех сторон окруженная красноватыми шипастыми гигантами с густыми черными кронами, была затянута низким синеватым туманом. Одурающе пахло тухлым мясом,

и сонмы мелких насекомых роились в воздухе, сияя ярко-голубым светом, словно волшебные светлячки. Старые мраморные памятники были вырваны из земли и свалены грудой в одну кучу. Их верхняя часть оказалась оплетена тернистым плющом, больше всего напоминающим колючую проволоку.

Грэг вновь отправил попугая на разведку, затем наклонился к самой земле и сказал:

— Это кладбище не настоящее.

— Некрополь. Это называется некрополь, корсар. За несколько тысяч лет до того, как ты в первый раз увидел лодку, людей хоронили в таких местах. Это проекция. Одно из первых мест, где жили тхорнисхи.

— Странные Нахтцеррет выбирает жилища. Некрополь, Вышеград...

— Вышеград был совсем не плох. Никто из вас туда даже не смел соваться.

— Да в общем-то и вы не были частыми гостями на Петринском холме,— усмехнулся Грэг, вставая. Он сделал пару шагов и обратил внимание на вьющихся у лица насекомых: — Мухи? Почему мухи? Я думал, здесь будут по меньшей мере осы.

— А я рассчитывал встретить парочку блондинок, но жизнь полна разочарований,— ядовитым голосом отозвался Миклош.— Пусты. Я пойду первым.

Он ударил перед собой широкой «Волной Танатоса», и та, распространившись по поляне, уничтожила всех насекомых. Тысячи тысяч прозрачных крылышек упали на съевшиеся, почерневшие цветы.

— Ненавижу эту гнусь,— пробурчал нахттотер, решительно направляясь вперед.

Лишь половинка луны была темной, но далеко на западе, за безмолвными мертвыми деревьями, раздался едва слышимый хохот.

— Садовники не стали ждать своего времени.— Миклош торопливо начал кидать в землю «Зубы дракона». — Мы разворошили гнездо, приятель, и, не скрою, они не прочь отведать нашей крови. Однако я надеюсь пройти яблоневые сады до того, как наступит ночь.

— Не хочется становиться пищей? — Было непонятно, издевается некромант или ему действительно интересно.

— Разумеется, — с достоинством произнес господин Бальза. — Я — высшее существо и не позволю каким-то мертвым объедкам из череды бывших предков, соратников и друзей, которым не хватило ума выжить, приближаться к моей шее. Что ты делаешь?

— Не ты один умеешь создавать ловушки.

По земле растянулась ярко горящая зеленая паутина. Через несколько секунд она начала медленно остывать и сливаться с туманом, оставив после себя легкий запах аниса.

Спутники покинули старый некрополь, миновали небольшую зловещую рощу и оказались среди деревьев — низких, прижатых к земле нависающей над ними четвертинкой луны. Они сияли неприятной белизной гладких стволов, увенчанных колючими ветвями и серой, пораженной какой-то болезнью листвой. Крупные яблоки оказались черными, непомерно раздутыми, словно их в одночасье поразила гангрена.

Грэг провел рукой рядом с плодом, затем вытер ладонь о камзол и покачал головой:

— Я уже верю, что сказка о Белоснежке была правдой.

Миклош не стал говорить, что ни о каких Белоснежках отродясь не слышал, впрочем, если речь шла о какой-то дуре, сожравшей черное яблоко и оказавшейся в могиле, то небылица правдива. Яда в таком плоде хватит, чтобы убить всю популяцию китов на Земле.

За спиной, из-за деревьев, которые они совсем недавно миновали, раздался вой, в небо ударили сизые лучи — сработали капканы.

— На какое-то время можно не думать о них, — ухмыльнулся господин Бальза, потирая руки.

Они шагали по мертвой, редкой, казавшейся сотканной из мелких частиц праха траве. Яблоневый сад изменился, стал гуще, заброшеннее и страшнее.

— Теперь я понимаю, почему этих существ называли Садовниками. — У Грэга был вид человека, попавшего в интересный музей.

Все деревья вокруг были увешаны останками кровных

братьев. Разложившиеся, истлевшие, с оскаленными ртами, блестящими клыками и высохшими лицами, они смотрели мертвыми глазами на тех, кто проходил мимо них, — на живых.

Многих наполовину проглотили древесные стволы, земля, колючий кустарник или дикая лоза. Сквозь тела давно проросли ветки, торчащие между ребрами, словно копья.

Во всем этом проглядывала какая-то система — мертвеццы были развешаны не хаотично, но Миклош не стал утруждать себя размышлениями над ненужными подробностями. Лишь однажды он остановился и подошел к трупу, облаченному в истлевший жилет и брюки начала двадцатого века. Задумчиво взял покойника за рыжую бороду, потянул так, чтобы увидеть высохшее лицо с провалившимся носом и глазами.

— Какая встреча! Спурий! Так вот почему тебя не было вместе с Храньей в Столице! А я все гадал...

— Зачем вы сюда приходите? — Грэг между делом указал господину Бальзе на тонкую полоску света, оставшуюся от луны, и тот стал создавать клетку, одновременно отвечая:

— Власть. Источник силы. Старине Спурию он всегда не давал покоя. Надо думать, подлиза моей сестрицы решил, что с его помощью они одолеют меня гораздо проще. Но, как видишь, идиот нашел свое место среди елочных игрушек Садовников.

Они вошли в клетку. В синей «ночи» десятки тварей рыскали в зарослях, издавая звуки, похожие на рыдания.

— А ты, Миклош, пытался взять эту силу? — Грэг с отстраненным интересом наблюдал, как один из Садовников поправляет потревоженное господином Бальзой тело Спурия.

— Я? Нет. Конечно, соблазн большой, но он не стоит жизни. — Нахттотер поджал ноги. — До источника идти больше суток. Последний, кто там побывал, — учитель моего учителя. Но, как говорил Луций, после этого он не слишком дружил с головой и не прошло года, как выбежал на солнце. Или это его Десять Гласов выпихнули? Уже не помню.

Валлиец усмехнулся, но ничего не сказал.

Когда луна появилась вновь, двое Садовников так и не

убрались восвояси — пришлось избавляться от их присутствия, развалив несколько деревьев и обрушив на землю град останков.

Тропа расширилась, яблони сменили терновые деревья.

— Старина! Старина! Прямым курсом! — В небе нарезал круги всеми забытый Пако.

— Недалеко осталось! — оживился Грэг.

— С чего ты взял? — Миклош хмуро смотрел на попугая, опасаясь, что тот на него нагадит.

— Чувствую нашу магию. Там сражение! Идем быстрее!

Он побежал, и в его руках появился зеленый молот. Нахтотер выругался, бросаясь следом и уже заметив, как над деревьями поднимается зеленое зарево.

Им потребовалось не так мало времени, чтобы оказаться на огромном пепелище, раньше бывшем лесом. Многочисленные обугленные пни все еще продолжали дымиться, а в самом центре полыхала зеленая стена пламени, ограждающего мастера Смерти от беснующихся Садовников.

— Ну что же. Не «Клетка», но вполне действенно и оригинально. Она их хотя бы сдерживает, — оценил Миклош, собирая в кулак все свои силы.

— Их здесь сотни! — Глаза Грэга вспыхнули изумрудным огнем.

— Что поделать. — Господин Бальза наблюдал, как бьющие из-за стены молнии уничтожают тварей лишь для того, чтобы те вновь набежали из леса. — Как я уже говорил, кровных братьев моего клана погибло много. Они чувствуют ученика Вольфгера, и даже луна их не пугает. Кажется, сегодня здесь собрались все. Вот почему мы прошли так просто. Прикрывай меня.

Нахтотер двинулся вперед, держа левую руку на рукояти так и неиспользованного Жала. Их заметили, и где-то половина тварей, перепрыгивая через обугленные пни, бросилась к ним — сплошной вал оскаленных пастей и шипастых тел. Миклош взвился в воздух, приземлился на колени и со всей силой ударил правой рукой по земле.

Раздался оглушительный колокольный звон, и из мрака выскочили пузатые четвероногие тени — гиены. Их было восемь, и, хотя они оказались гораздо меньше той, что ры-

царь ночи призывал в свой особняк во время лечения Йохана, в данном случае это ничего не значило. Звери клином влетели в ряды атакующих, отрывая тем конечности и головы, пожирая все, до чего могли дотянуться. Началась свалка, но несколько десятков врагов прорвались к кровным братьям.

— Разберись с ними! — Нахттотер, занятый сражением, перестал обращать внимание на то, что делает Грэг.

Он лишь отмечал вспышки зелени, слышал замогильные вопли, видел, как валятся приближающиеся. Бальза понимал, что главное сейчас — справиться с теми, кто все еще окружает Кристофа. Он давно не занимался массовыми убийствами и теперь с радостью использовал арсенал имеющихся заклятий, бьющих по большим площадям. Нахттотер сек шипастых тварей огромными ножами, давил невидимыми ногами, разрывал на части, заставлял тела взрываться и лопаться, насылал полчища саранчи, хлестал их огнем, тленом и солью, поливал кровавым дождем и осыпал градинами разложения, от которых дымилась земля.

Обрушивая каждое из заклинаний, Миклош представлял, что убивает Хранью, и это добавляло ему сил. Когда в рядах противников появилась широкая просека, он двинулся вперед, прокладывая себе коридор через оставшихся. По бокам их с Грэгом защищали свирепые гиены.

Некромант больше не был ироничен и расслаблен. Мрачный, собранный, безжалостный почитатель Смерти уничтожал всех на своем пути, и с каждым шагом стена зеленого пламени становилась ближе.

Несколько Садовников попытались напасть на них со спины, и господин Бальза, уже связанный одним заклинанием, не стал терять время на второе, а выхватил Жало и отмахнулся им, разрубив тварей точно так же, как когда-то сторонников Храньи.

Страшный вой пронесся над Садами Боли, и над землей, расправив крылья, скользнула огромная черная тень. Тёмный Охотник корсара, не обращая внимания на кровных братьев, вступил в сражение.

Зеленое пламя было холодным, и, как только Миклош с Грэгом оказались рядом, оно расступилось, пропуская их.